

УДК 304.2

**КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ:
СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ***Д.Р. Гимадеева, М.Ю. Ефлова***Аннотация**

В статье на примере поликультурного общества Республики Татарстан анализируются процессы формирования религиозной идентичности и влияние на них различных социальных факторов (образование, СМИ, семья). Установлено, что важнейшими факторами в конструировании религиозной идентичности являются этническая принадлежность и семейное воспитание, однако в поликонфессиональных семьях выбор религии определяется не столько семейным влиянием, сколько социальным окружением индивида, а также социальным статусом религии.

Ключевые слова: религиозная идентичность, религиозные группы, Республика Татарстан, бикультурный регион, конфессия, религиозные практики.

В полиэтничном обществе формирование религиозной идентичности имеет ярко выраженную специфику. Социальные взаимодействия членов общества, имеющих разные религиозные воззрения, не могут не оказать воздействие на формирование конфессиональной идентичности. Республика Татарстан, как и большинство регионов России, является сложным социокультурным образованием, в котором каждое сообщество, согласно Конституции, имеет равные права. В республике, по данным переписи 2010 года (I), наиболее многочисленными этническими группами являются татары (53.2%) и русские (39.7%). Кроме того, на территории республики проживают удмурты, чуваша, мордва, мари и другие национальности (7.1%). Религиозная палитра представляет как наиболее многочисленные конфессии (ислам и православие), так и другие, менее распространённые (иудаизм, конфуцианство, новые религиозные движения и т. п.).

Религиозная идентичность является неотъемлемым элементом в понимании религиозности, поскольку «представляет собой фиксирование тождественности субъекта в смысле приобретения посредством религии собственного экзистенциального опыта при субъективном осознании своей принадлежности к тому или иному религиозному сообществу» [1, с. 223–224].

Идентичность личности (и религиозная идентичность в частности) – сравнительно новая научная проблема. Анализ научной литературы, посвящённой явлению идентичности, показывает, что представители психоаналитической концепции (Дж. Марсиа, З. Фрейд, Э. Эриксон) основное внимание уделяли глубинным,

психологическим механизмам формирования идентичности. В рамках интерпретативного подхода идентичность И. Гоффманом рассматривалась как результат построения индивидом себя через информацию о себе, полученную от окружающих. Основоположник символического интеракционизма Дж. Мид развивал свою концепцию идентичности в рамках теории личности. Согласно мнению этого автора, «генерализованное другое» является значимым фактором в процессе формирования идентичности индивида. Последователи символического интеракционизма Р. Дженкинс, Ж. Дешамп, Т. Девос отмечают, что между социальной и личностной идентичностями нет границ, они имеют одинаковое происхождение – социальное. Часть учёных склоняются к мысли о том, что в процессе глобальных социокультурных трансформаций само понятие идентичности оказывается под вопросом по причине нарастающей индивидуализации (см. [2]). Однако это можно объяснить скорее внутренней трансформацией идентичности (в том числе религиозной), нежели её исчезновением (см. [3]).

В науке до сих пор не существует однозначного понимания феномена религиозной идентичности. Так, К. Кардиа в работе «Европейская религиозная и культурная идентичность. Вопрос о распадении» понимает идентичность как результат сохранения традиций и использование религиозной символики. О.А. Богатова, М.П. Мчедлов, О.В. Бондаренко считают религиозную идентичность следствием этнической [4–6]. В одной из недавних работ А.Н. Крылова [1] даётся детальный разбор понятия религиозной идентичности в различных её проявлениях, но при этом подчёркивается, что религиозная идентичность представляет собой целостный феномен, состоящий из индивидуального и коллективного самосознания.

Религиозная идентичность формируется под влиянием целого ряда внешних факторов, социальных детерминант, среди которых можно выделить образование, СМИ и семью. Каждый из перечисленных социальных институтов так или иначе выполняет функцию религиозной социализации, формирования идентичности индивида.

Вопросу взаимодействия образования и религии всегда отводилась особая роль как в общественных дебатах, так и в научном дискурсе. Политики, общественные деятели, педагоги спорят о том, нужно ли включать курсы о религии в процесс образования. Научная дискуссия по вопросу взаимодействия этих двух институтов также не привела учёных к единому мнению. Часть исследователей, например, считают, что образование и религия неотделимы друг от друга, и аргументируют свою позицию когнитивным потенциалом религии: знание само по себе рассматривается как оружие, которое может привести не только к неблагоприятным последствиям, но и к катастрофе, тогда как образование в сочетании с религиозностью даёт возможности для положительного преобразования мира (см. [7, р. 629]). Кроме того, религиозность является эффективным инструментом в борьбе с такими распространёнными среди молодёжи социальными проблемами, как наркомания, преступность и низкий уровень образованности. Учёные исходят из того, что религия открывает мотивы и инструменты к познавательной деятельности.

Однако подобной точки зрения придерживаются далеко не все представители научного сообщества. В частности, социологи указывают на ряд социальных проблем, возникающих в ходе процесса включения религиозных предметов в школьную программу [8]. В качестве аргумента авторы отмечают нарушение идеи светскости образования, а также толерантности в условиях поликонфессионального общества. Несмотря на разность позиций, учёные сходятся во мнении о том, что нужно внимательно относиться к вопросу формирования религиозной идентичности новых поколений, в которой видится реальное противодействие социальным проблемам морально-этического характера.

В процессе формирования религиозной идентичности у молодёжи, несомненно, важна роль СМИ, особенно электронных медиа. Социолог В.Ф. Анурин отмечает: «В последние десятилетия проблемы религии и религиозности поднимаются в СМИ, где появляются религиозные программы, а священнослужители привлекаются к участию в ток-шоу; религиозными сайтами заполнен Интернет» [9, с. 136]. К примеру, РПЦ имеет более сотни сайтов, на которых предлагаются самые разные формы взаимодействия с верующими: информационные статьи, официальные документы, фото- и видеоматериалы, анонсы событий, форумы, на которых посетители могут получить ответы на вопросы религиозного характера. Подобные способы подачи информации являются довольно эффективными, так как позволяют молодёжи получать информацию в удобном интерактивном формате. Аналогична ситуация с мусульманским духовенством, активно включившимся в традиционную просветительскую деятельность с использованием инновационных методов интеракции. В результате такой активности можно говорить о религиозной «какофонии» в СМИ.

В этой ситуации именно семья представляется важным социальным институтом, выполняющим функцию религиозной социализации. В условиях поликонфессиональности важно соблюдать баланс между религиозностью и терпимостью. Семья, задавая ориентиры процессу идентификации своих членов, является не пассивным транслятором социальных ролей и шаблонов поведения. Формирующаяся социальная идентичность позволяет личности ориентироваться в своём социальном окружении и становится «призмой» для интерпретации собственного опыта взаимодействия с другими людьми, одним из важнейших результатов социализации (см. [10]). Религиозная идентичность как часть социальной идентичности возникает из осознания своего членства в различных социальных группах, среди которых семья играет значительную роль: «именно семья является своеобразной проекцией “большой культуры”, первичной средой, приобщающей ребёнка к опыту того или иного общества, именно в ней в первую очередь формируются представления о социальных группах, социальных ролях, а также соответствующих им формах поведения, необходимых для успешного функционирования человека в обществе» [11].

В рамках научно-исследовательского проекта Казанского федерального университета «Состояние и динамика межэтнических и межконфессиональных отношений в Республике Татарстан» в 2012–2013 гг. было осуществлено количественное социологическое исследование¹ по Республике Татарстан, выборочная

¹ Проведено рабочей группой в составе С.А. Ахметова, Г.Я. Гузельбаева, М.Ю. Ефлова, Л.Р. Низамова, А.Н. Нурутдинова под руководством Р.Г. Минзарипова.

совокупность составила 1590 респондентов. Позднее для изучения содержания религиозной идентичности были проведены 30 глубинных интервью с представителями различных этнорелигиозных групп.

«Представительные социологические опросы позволяют рассмотреть динамику множественных идентичностей, подвижность в их содержательном наполнении, а глубинные интервью помогают понять смысловое наполнение выборов, их значения» [12, с. 14]. Большая часть татарстанцев (69.6%), по результатам исследования, признают себя верующими людьми², 16.4% сомневаются в вопросах веры. Большинство верующих республики (53.9%) – мусульмане, 44.1% исповедуют православие и 2% принадлежат к другим религиозным течениям.

Результаты опросов подтверждают тезис о том, что важной социальной детерминантой в формировании религиозной идентичности является семья. Более половины опрошенных татарстанцев (66.9%) указывают, что на формирование их веры оказали влияние семейное воспитание и родственники, 14.1% верующих пришли к религии благодаря образованию и друзьям, для 10.5% респондентов это был самостоятельный выбор и 8.5% испытывали затруднения при ответе на данный вопрос.

Родители, которые не определяют религиозную принадлежность своего ребенка ещё до его рождения или в первые годы жизни, всё же оказывают непосредственное влияние на его религиозное самоопределение различными методами на протяжении всего жизненного пути: сюда можно отнести семейные торжества по случаю религиозных праздников, совершение этнорелигиозных ритуалов (к примеру, по поводу рождения, свадьбы, смерти и т. п.). В глубинных интервью респондент (мужчина, 50 лет, татарин) отметил, что *родился, вырос, воспитывался в татарской семье, поэтому ближе всё-таки ислам*. В сознании татарстанцев, как показали результаты опросов, религиозность является продолжением этничности.

Погружение в веру в рамках семьи, как показывают интервью, можно подразделить на а) «естественное» и б) «агрессивное». Приведём примеры обоих типов: а) *Мама – русская, папа – татарин. Мама исповедует православие, папа – ислам. И мама, и папа ходят в храмы и мечети и с уважением относятся к той, и другой религии... Но я выбрала религию папы, она мне показалась ближе* (женщина, 24 года, татарка); б) *Пришла к вере я не сама, меня притащили. Моя бабушка, мама отца, она нас с братом завлекала в религию, учила, как надо молиться, читала религиозные книги и говорила: «Помолись – пряник дам». Младший брат так зарабатывал. В церковь не ходить было нельзя* (женщина, 43 года, русская). Таким образом, родственники могут принимать активную назидательную позицию.

² Важным показателем сформированности религиозной идентичности являются повседневные религиозные практики, однако у опрошенных татарстанцев это показатель невысок. К примеру, в ряду православных лишь 21.7% верующих соблюдают утреннее и вечернее правило. В интервью информанты отмечали также низкую посещаемость церкви/мечети и отсутствие постоянства в исполнении религиозных обрядов: *Не посещаю церковь и соблюдаю только основные праздники – Пасху, например* (женщина, 21 год, русская); *Я отмечаю некоторые православные праздники, хожу в церковь по возможности, из-за сумасшедшего ритма города не на всё хватает времени* (женщина, 22 года, русская); *Мы считаем себя верующими, но соблюдаем лишь основные каноны (венчание, крещение), так же и наши близкие* (женщина, 24 года, русская).

Религиозная идентичность, находясь в «режиме ожидания» у большинства татарстанцев, воспитанных в духе толерантности, активизируется в случае эмоционального и душевного потрясения. Важное влияние на воцерковление и погружение в веру оказывают неожиданные события, несчастные случаи, трагические ситуации, ср.: *В Бога я верю. Вера пришла не с самого рождения, как обычно это бывает. К вере я пришла после одного случая, который со мной произошёл в 15 лет: я заблудилась в лесу зимой и просто вспомнила, что надо молиться, попробовала, и вот так удачно получилось. И с тех пор я считаю, что Бог существует* (женщина, 36 лет, русская); *Когда брат сильно заболел, даже врачи посоветовали обратиться к высшим силам. Моему папе (староверу) посоветовали покреститься. Это стало переломным моментом, потом он осознанно принял православие* (женщина, 24 года, русская).

В поликультурном обществе религиозная идентичность имеет особую чувствительность, тесно переплетаясь с этнической идентичностью: *Муж – русский, православный, я – татарка, мусульманка. Религиозные праздники – самые яркие праздники в семье: православные – Пасха и Рождество и Вербное Воскресенье, а мусульманские – Ураза-байрам, Курбан-байрам* (женщина, 35 лет, татарка); *У нас в семье все православные, кроме мамы. Она считает себя мусульманкой, хоть и не придерживается правил, религию менять не собирается* (женщина, 26 лет, русская).

Однако в процессе семейной жизни возможна смена религии на религию супруга: *Религиозные разногласия кончились тем, что супруг крестился. Он татарин. От своих родственников он скрыл, сказал, что бабушка с ним перестанет разговаривать. Детей крестили, но венчаться он не хочет* (женщина, 38 лет, русская); *Теперь, когда папа покрестился, наша семья полностью верующая, православная. До этого он исповедовал старообрядчество, чуваш по национальности. Но это произошло уже после смерти бабушки, его мамы, которая всегда была против смены религии* (женщина, 24 года, русская).

В интервью некоторые респонденты отмечали, что религией их интересовали друзья, одноклассники. Особенно это касается респондентов, чьи родители исповедовали разные религии: *Семья оказала мало влияния на мой религиозный выбор. Больше сама... скорее подруга. У неё вся семья православная, водили в религиозную школу* (женщина, 26 лет, русская); *Я не помню, чтобы родители что-то говорили, рассказывали мне о религии. Решающую роль сыграло окружение – мне было странно, почему я не крещеная* (женщина, 23 года, русская). В то же время люди, выросшие в моноконфессиональных семьях, отмечают, что семья явилась основным фактором при причислении человеком себя к той или иной вере: *Родители устраивали праздники (Пасха, Рождество), приглашали гостей. В детстве читали Библию* (мужчина, 29 лет, русский).

В бикультурных браках имеет место напряжение на религиозной почве, респонденты указывали на случаи непонимания или противоречий в своих семьях или в семьях знакомых: *Родители были против нашего брака, так как разные религии, боялись, что будем перетягивать друг друга на свою веру* (женщина, 30 лет, татарка); *Я всегда от бабули крестик прятала, чтобы не расстраивалась. <...> К примеру, у знакомых не знали, как ребенка хоронить, когда случилось несчастье – он умер* (женщина, 23 года, русская). Можно отметить

по результатам интервью, что респонденты, чьи родители исповедуют различные религии, имеют более чётко выраженную позицию относительно своего брачного партнёра: *Для семейного благополучия особенно важна религия. У меня мечта – хочу венчаться со своим мужем, иначе брак не будет благословлён Богом. Родители не могли венчаться в силу того, что имели разные религии (женщина, 23 года, русская).*

В то же время нельзя говорить о религиозной нетерпимости: *Везде, где я была в нашей республике, две религии дружны между собой. Недалеко от меня построили мечеть, а рядом церковь. И мне это приятно: всё дружно, все вместе* (женщина, 23 года, русская). Несмотря на то что результаты и количественного, и качественного исследования демонстрируют достаточно высокую степень толерантности в Республике Татарстан, однако на уровне межличностных, семейных отношений респонденты склоняются к моноэтническим и монорелигиозным брачным союзам: *Я мужа специально по вере не выбирала, то есть это не играло решающую роль. Но очень рада, что он тоже православный, так больше меня понимает* (женщина, 26 лет, русская).

Таким образом, проведенное качественное исследование позволило выявить более тонкие аспекты в вопросах религиозной идентичности и толерантности, дополнив данные количественного опроса. «Анализируя повседневные практики, можно выделить следующие наиболее типичные модели выбора религии. Самый распространённый вариант... таков: этничность предопределяет религиозность, то есть большинство татар выбирают мусульманство, а подавляющая доля русских – православие. Реже встречаются случаи выбора любых других религий» [13, с. 93]. В поликонфессиональных семьях выбор религии носит более спонтанный характер, определяясь не столько семейным влиянием, сколько социальным окружением, а также социальным статусом религии (то есть ребенок часто делает выбор в пользу более распространённой веры, популярной в определённых кругах, регионе).

Межрелигиозные различия, таким образом, могут быть источником конфликтов или напряжённости в общении. В большей степени религиозные противоречия затрагивают близкие родственные связи, тогда как в ситуации с друзьями, коллегами удаётся сохранить толерантное отношение, уйти от дискриминации и неприятия другой религии. Ситуация терпимости к религиям меняется в зависимости от степени социально-психологической сплочённости, а также собственного опыта индивида. Представляется, что индивид, выросший в бикультурно-религиозной семье, имеет более осознанное отношение к вопросам религии, что может быть объяснено наличием напряжённости и конфликтов. Он также более подвержен влиянию других социальных детерминант на формирование религиозной идентичности (таких как образование, СМИ, социально-политический контекст, а также социальное окружение).

Работа выполнена в рамках Государственного задания Казанскому федеральному университету Минобрнауки РФ (проект № 6.8625.2013).

Summary

D.R. Gimadeeva, M.Yu. Eflova. Construction of Religious Identity in a Multicultural Society: Social Determinants.

Using the example of the multicultural society of the Republic of Tatarstan, we analyze the processes of formation of religious identity and the influence of different social factors (education, media, and family) on them. We establish that the most important factors in the construction of religious identity are ethnicity and family education. However, in multi-religious families the choice of religion is determined by the social environment of an individual and the social status of the religion rather than by the influence of the family.

Keywords: religious identity, religious groups, Republic of Tatarstan, bicultural region, confession, religious practices.

Источники

I – Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 г. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm, свободный.

Литература

1. *Крылов А.Н.* Религиозная идентичность: индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. – М.: Икар, 2012. – 303 с.
2. *Тихонов О.В.* Диалектика идентичности и кризиса идентичности в контексте глобальных социокультурных трансформаций // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2012. – Т. 154, кн. 1. – С. 208–213.
3. *Низамова Л.Р.* Этничность в мультикультурном мегаполисе: этнокультурные татарские практики в США // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2009. – Т. 151, кн. 5, ч. 2. – С. 48–60.
4. *Богатова О.А.* Религиозная идентичность и религиозные практики в Мордовии // Социол. исслед. – 2011. – № 8. – С. 114–122.
5. *Мчедлов М.П.* Религиозная идентичность. О новых проблемах в межцивилизационных контактах // Социол. исслед. – 2006. – № 10 – С. 33–40.
6. *Бондаренко О.В., Леонова М.С.* Религиозная идентичность: Экспликация понятия // Гуманитарные и социальные науки. – 2010. – № 6. – С. 285–291. – URL: http://www.hses-online.ru/2010/06/22_00_04/31.pdf, свободный.
7. *Rabinataj S.A., Azadboni R.M.* Religious foundation of education // Procedia – Soc. Behav. Sci. – 2012. – V. 47, No 3. – P. 629–633.
8. *Лебедев С.Д., Реутов Н.Н.* Образование и религия в современном российском обществе. – URL: http://www.isras.ru/publications_bank/1225457673.pdf, свободный.
9. *Анурин В.Ф.* Религия как фактор социальной интеграции // Социол. исслед. – 2013. – № 1. – С. 135–146.
10. *Ядов В.А.* Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности // Психология самосознания: Хрестоматия по социальной психологии личности. – Самара: Бахрах-М, 2000. – С. 589–601.
11. *Микляева А.В., Румянцева П.В.* Семья как пространство формирования социальной идентичности личности (на материале младшего школьного возраста) // Микляева А.В., Румянцева П.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. – URL: http://www.humanpsy.ru/miklyaeva/soc_ident_05, свободный.

12. *Дробижева Л.М.* Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. – М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2006. – С. 10–29.
13. *Ефлова М.Ю., Минзаринов Р.Г.* Православие и православные в Республике Татарстан: социологический портрет // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2012. – Т. 154, кн. 6. – С. 87–94.

Поступила в редакцию
03.06.13

Ефлова Мария Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: meflova@gmail.com

Гимадеева Динара Рифкатовна – аспирант кафедры социологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: dinaragimady@gmail.com